

ГОРОД НЕВОЗМОЖНОСТИ

АРТЕМ СОШНИНОВ

Родился в 1990 году в Ульяновске, окончил исторический факультет, учился в литературной мастерской Андрея Аствацатурова и Дмитрия Орехова в Петербурге. В 2022 году дебютный

роман «Наблюдатель» вышел на сервисе «Бунмейт» в формате книжного сериала. Дважды резидент Дома творчества «Переделкино». Совместно с Таней Млынчин ведет подкаст о писательском ремесле «Два авторских».

Иногда так бывает: весна, зелень всю распускается на ветвях, днем градусов двадцать; Сева проходит мимо помятого уже объявления «Осторожно! Зона падения снега и льда!!!», но все равно ежится.

Иногда так бывает – особенно здесь, на окраине, которая осыпается, словно песок. «Город возможностей» – гласит придорожный билборд. Краска отваливается кусками, дерево и бетон исчерчены трещинами, фасады замараны тегами и трафаретами дарксторгов. «14-е почтовое отделение, дом 260» – бывший военный городок, улицы которого не имеют названий.

Посреди этого распада, посреди угасшего островка безопасности, стоит недавно открывшийся магазин «Красное&Белое» – оазис для тех, кто желает утонуть в алкогольном забытии, и одновременно с этим – десять рабочих мест.

Иногда так бывает: Сева приходит на смену, разбирает коробки со снеками, запихивает одну из них под стеллаж ногой, не особо заботясь о сохранности содержимого. Только встает на кассу – хлопает дверь. Перед ним появляется Милана. Она дергает рукой, но тут же сует ее в карман худи, поводит плечами, будто опасаясь падения снега и льда. Спрашивает:

– «Мальборо» есть? Шоколадное.

Сева открывает ящик под кассой, скользит взглядом по пачкам.

– Есть.
– Пачку. И вот, «Орбит».

Милана сама достает жвачку, кладет ее на монетницу.

– Паспорт покажи, пожалуйста.
– Чего?
– Паспорт.

Милана округляет глаза.

– Да брось ты.
– Не могу без паспорта.
– Ты ж меня знаешь, Крот.
– Не положено.
– У меня паспорт дома, зачем он мне тут?
– Тогда извини.
– Я ведь сейчас схожу и вернусь с паспортом.
– Сходи и вернись.
– Ты совсем, Крот?
– Без паспорта никак.

Напарник Ирек, стоя на стремянке, оборачивается.

– Жвачку брать будешь? – спрашивает Сева.
– Засунь ее себе знаешь куда?

Уходя, Милана грохает дверь. Табличка «Открыто» шлепается о стекло.

– Зря ты так, – говорит Ирек. – Сейчас ведь придет с паспортом.

Сева пожимает плечами.

Иногда так бывает: переключит – и все, Сева идет на принцип, хотя сам до конца не понимает почему.

Может, потому, что Милана посмеялась над ним несколько лет назад.

– Крот, а Крот! – всю перемену докапывался до Севы главный задира класса Мишган. – Крот!

Сева не выдержал, отозвался.

– Хер тебе в рот!

Милана сидела на парте, закинув ногу на ногу, и хохотала. Из телефона орала музыка.

На следующий день Сева пришел в школу с плетеным шнуром от утюга и при всех отхлестал Мишгана по голове. Вплоть до самого выпускного его обходили за километр. Зыркали, сторонились, но больше не трогали.

Через час в магазине появляется Демид. На нем толстовка «Thug Life», на ногах – паленые «Нью Бэлансы».

– «Мальборо» шоколадный дай сюда.

Сева открывает ящик, нехотя достает пачку сигарет. Демид подается вперед, вырывает пачку у Севы из рук.

– Че паспорт-то не спросил? Или я выгляжу хуже Миланки?

Поворачивается, чтобы уйти.

– Сто двадцать рублей.

– Ах да, конечно... – притворно услужливым голосом отвечает Демид.

Он выпускает изо рта тягучую, обильную харчу. Она шлепается на монетницу.

– Сдачи не надо.

Сева догоняет Демида у входа. Заслышав топот, тот оборачивается.

– Че глаза пучишь, додик? Шуруй отсюда. Иначе домой сегодня не вернешься.

Демид вальяжно садится в припаркованную рядом «Приору». Водитель тут же дает по газам. Несколько камушков ударяются о кроссовки Севы.

Стены дома, в котором он родился и вырос, забиты граффити, словно руки неумелого татуировщика. Граффити рисует сосед Костя. Всем плевать. Дому от его «рисулек», как выражается мама, даже лучше. Время грызет эту сталинку со всех боков.

Половина фонарей давно уже не горит, Сева то погружается в темноту, то выныривает из нее. Навстречу попадают пошатывающиеся силуэты, и Сева сторонится их. Он боится пьяных. Не потому, что они нанесут ему вред... Просто они похожи на зомби.

– Закрылись, что ли, уже? – спрашивает Севу один из силуэтов.

– Закрылись.

– Е-мое... Ладно. Пойду в «Минутку» тогда.

Окраина, пять часов езды от Москвы. Город возможностей, здесь все возможно.

Приедут менты?

Возможно.

Покалечат на улице?

Возможно.

Вот у подъезда стоит та самая «Приора». Демид, его друзья. Милана, ее подруги. Граффитчик Костя. Они с Демидом учились в той же школе, что и Сева, правда, на три года старше.

– Эй, слепой! – кричит кто-то из них.

Слышны смешки. Костя машет Севе рукой и тут же показывает пальцем на дверь подъезда. Иди, мол. Пока я с ними, тебя не тронут.

Сева для Кости как младший брат. Росли вместе, в одном дворе. Безотцовщины. Мама присматривала за ними поочередно. В детстве Костя возил Севу на багажнике велосипеда через лес на речку. Мчались во всю дурь, то и дело подскакивая на торчащих корнях деревьев. Взрослые пугали живущим в лесу маньяком – наверное, чтобы дети не бегали купаться без присмотра. А они все равно бегали, точнее, ездили. Сева изо всех сил держался за багажник руками, боялся упасть и остаться навсегда в этом лесу, стать жертвой маньяка.

Через полчаса кто-то звонит в дверь. Кто-то... Милана. Сева сомневается, открывать ли. За дверью наверняка стоит Демид.

– Да одна я, одна, – говорит Милана. – Уехали они все.

Следом за Миланой появляется Костя.

– Да одна она, одна, – подтверждает он.

Отпирает соседнюю дверь ключом.

Сева выходит на площадку. Милана действительно одна.

– Они рассказали, как все было.

– Издеваться пришла?

– Делать больше нечего. Я не хотела, чтобы так. Я не просила его.

Сева пожимает плечами.

– Но и ты поступил как мудака. Знаешь же, что мне девятнадцать.

– Я не мудака. Меня штрафуют. Камера же. Потом не докажешь, что я тебя знаю.

– Да кто их там смотрит, камеры твои.

- Я новенький. Могут проверить.
Милана прислоняется к перилам.
- А ты чего без очков? Не видишь же ничего.
- Я операцию сделал.
Сева неосознанно проводит рукой, будто поправляет очки.
- Год уже как, – зачем-то добавляет он.
Свет в подъезде дрожит, скоро перегорит лампочка. Где-то наверху ворчит музыка.
- Сигареты есть у тебя?
- А «Мальборо» где?
- Выкурили все.
Сева возвращается домой, берет из ветровки пачку «Собрания». Они поднимаются на пролет выше. Сева приоткрывает форточку.
- Это правда, что он ударил тебя? – спрашивает Милана, одновременно выпуская дым.
- Нет. Просто унизил слегка.
- Такое... Он старше. Знал, что не ответишь.
Сева поджигает губы.
- Я бы тоже не ответила.
- Думаю, тебе бы понравилось наблюдать. Акт насилия в твою честь.
- По-твоему, я конченная?
Милана смотрит куда-то в сторону. Кажется, изучает перила.
- Я не конченная.
- Я этого и не говорил.
Уходя, Милана просит еще две сигареты.

Бывают такие девушки, на которых тяжело не смотреть, даже когда их парни рядом. Милана из таких. Если постараться, можно представить, как ближе к тридцати она потеряет очарование: станет немного хабалистой, прокуренной, помятой демидами и жизнью, с подведенными комковатой тушью глазами. Пожелтевший блонд, вышедшая из моды одежда. Но пока еще рано.

Она заходит в магазин на следующий день с паспортом в руках, еле заметно улыбается. Сева продает ей пачку. Милана зовет его покурить.

- Приколи, сегодня бабку возила в больницу, и в автобусе попались готы. Вежливые такие, место ей уступили. А бабка давай докапываться: ребята, кто умер, вы в Богородское? Дума-ла, они на похороны едут, раз во всем черном.

*Смешно нам то, как бабушка считает,
Что готы едут хоронить кого-то.
Но наше время тае, тоже тае.
И нас затянет старости болото...*

- Странный ты, – как-то грустно говорит Милана. – Всегда был странным.
- Это вы меня таким сделали. И все из-за какого-то шнура.
- Какого еще Шнура? – не понимает Милана – Музыканта, что ли? Ты ж всегда рок свой слушал.
Сева машет рукой – забей, мол. Он выкуривает сигарету до ногтей.
- Что делать будешь?
Милана пожимает плечами.
- А ты?
- Работа.
- До десяти?
- Ну да.
Позже Сева вносит в базу чеки, думает: зачем позвала?
- Попробуйте «Мальборо» шоколадный. Новинка, – советует Ирек мужику на кассе.

Двадцать два десять. Милана сидит на лавочке недалеко от проходной аэродрома, под одним из немногих горящих фонарей. Сева хочет пройти мимо, но в последний момент сворачивает к ней. Садится рядом.

- А чего передумал? – ехидно спрашивает Милана.
- Ну а как ты без сигарет?
Милана легонько толкает Севу в плечо. Он протягивает ей пачку.
- На работе подрезал?
- Почему подрезал? Купил.
- Скучный ты. Наверное, еще и яйца в упаковке проверяешь, прежде чем купить. А то мама поругает.
Глаза Миланы блестят. Она явно выпила.
- Никто из вас и дня не проработал, а ребенок – я.
- Не души.
Сева выпускает дым в сторону, чтобы он не летел на Милану.
- Пойдем в «Минутку», возьмем по «Гаражу».
- Я «Гараж» не пью.
- А что пьешь?
- Хоум виски.
Милана смеется. Теоретически – так же, как в классе. Тоже над Севой. Но уже иначе.
- Чего?
- Да это дед мой самогон так называет. В шутку.
- Ну так выноси его тогда. Попробую.
Сева встает с лавочки. Кивает в сторону дома.
- Со мной пойдешь?

Через лес пролегает железная дорога. Вдали гудит поезд.

– Дед вообще у меня с юмором, – зачем-то рассказывает Сева. – Разорился на импланты, звонит, жалуется. Зубы, говорит, вставил, а есть ими нечего...

– Да не гони, это анек.

– Не гоню. Он сам придумал.

Ветер выскакивает из-за угла, то и дело толкает их в спину. Милана ежится.

– Хорошо, когда старики прикольные. У меня вот бабка совсем от жизни отстала.

– Ну, мой просто с прибабахом, не хочет жить, как все. Например, никогда не дарит цветы.

– Ухаживать не умеет.

– Может быть. Говорит, что мертвые цветы дарят только покойникам на могилу. Притащил на день рождения маме горшок с живым растением.

– И что с ним?

– С горшком? Умер.

Милана снова смеется. Натягивает на голову капюшон.

– Я в падике подожду. Холодно чет. Оставь сигареты.

– Да заходи. Мама на сутках.

Мама Севы – старшая медсестра в местной больнице. Ее знают многие.

Сева наливает себе и Милане по стопке самогона.

– Не знаю... Скорее всего, тебе не понравится.

Это можжевельная.

За окном грохает гром. Милана выпивает стопку залпом.

– Похоже на джин.

Капли начинают барабанить по карнизу. Сначала редко, затем превращаются в фоновый шум.

– Кури тут, на балконе промокнем.

– Мама ругаться не будет?

– Проветрю.

Сева наливает себе еще одну. Самогон слишком обжигает горло. Милана садится на подоконник и следит за тем, как он морщится. Отдышавшись, Сева подходит к пепельнице. Закуривает тоже.

– Ты ведь любишь меня, – говорит Милана.

Сева выпускает дым под потолок.

– Нет, но я хотел бы.

– Как это?

– Было бы здорово тебя полюбить. Мне хотелось бы любить.

– Это уловка такая?

Сева хмыкает.

– Да. Заказал у бога дождь, заманил тебя домой, влил самогона. Сейчас буду признаваться в любви. Подожди только, цветы нужны. Пойду горшок захвачу из зала.

Сева вдавливая сигарету в пепельницу. Окурок шипит. Он всерьез решает сходить за горшком, принести его Милане и встать на колено, но не успевает. Милана ловит его рукой за шею и притягивает к себе.

От нее пахнет табаком, шоколадом, сладкой мятой. Когда-то успела достать жвачку.

Милана прижимается к нему, сидя на подоконнике. Сева берет ее за шею, другой рукой гладит ей спину. Под худи нет футболки, и рука не задевает бретелек.

Сева смотрит в окно. Во дворе стоят двое мужчин и пялятся прямо на них. Первого, сидящего мужика в потертой кожанке, Сева уже где-то видел. Старика в пальто тоже. Мужчины стоят под фонарем и не шевелятся, оба держат руки в карманах. Они будто сошли с картины Хоппера. Тени падают на их полустертые лица.

– Сними худи, – просит Сева и вытаскивает ладонь, чтобы Милане было удобнее стаскивать одежду. – Аааай, черт...

Все это время Милана сидит с недокуренной сигаретой в руке. Сева нечаянно прижимается к окурку запястьем. Милана испуганно роняет бычок на пол.

Сева подходит к раковине, хотя ему хочется к ней подбежать. Сует запястье под ледяную струю. Когда руку начинает ломить от холода, выключает кран. Гасит на кухне свет, чтобы мужики больше не пялились.

– Нет, не надо, не выключай. – Милана оправляет худи. – Я пойду. Мне лучше пойти.

Сева не уговаривает. Момент действительно упущен. Милана зажигает в коридоре свет. Не только им, но и каждому предмету в комнате становится неуютно, неловко. Милана долго возится с «вансами», приходится их развязать, завязать... Все это время она смотрит в пол, согнувшись дугой. Сева разглядывает складки худи на ее спине.

– Там мужики какие-то у подъезда трутся. Я провою.

– Не провожай.

– Вдруг пристанут. Провожу.

– Ты не только слепой, глухой еще?! Сказала – не надо!

Милана вылетает из прихожей, грохая дверь. Сева тут же идет на балкон. Никаких мужиков под окнами нет, ушли. Милана, сутулясь, пересекает двор по диагонали. Она живет практически напротив. Сева слышит пиликанье домофона и лязг входной двери.

Демид стоит, облокотившись на капот припаркованной во дворе «Приоры». Провожает взглядом Милану. Затем смотрит на балкон.

По выходным Сева бегаёт на заброшенном стадионе. Ночью шел дождь, протоптанная по окружности поля тропинка слегка разъезжается под кроссовками. Осветительные мачты стоят в обнимку с соснами, смотрят на него черными глазницами. Ошметки сетки колышутся на перекладинах.

На лавочке за разросшимся кустарником сидит Демид, его друзья, Милана, ее подруги. Демид выходит на беговую тропинку, преграждает Севе дорогу. Сева пытается его обехать, но вступает в лужу. Сева резко останавливается. Пара капель падает на кроссовки Демида. Тот одергивает ногу.

– Ты че, слепой... Реально Крот... Хотя да, ты слепой. За мной решил подолашивать?

Сева молчит.

– Да ладно, я это так, между нами. Миланка же секунд-хенд... Но тебе и это не по зубам. Не лезь лучше.

Сева молчит. Демид цыкает. Сева разворачивается, подрывается к Милане.

– Куда ты по... – говорит ему Демид, но его фраза теряется в соснах.

Милана сидит, обнявшись с подругой. Сева пытается заглянуть Милане в глаза.

– Иди отсюда, а, – говорит Милана.

Из телефона орет музыка.

– Ну че непонятного! – встречает подруга. – Шуруй отсюда! Глаза тут пучишь... Это так-то вообще на износ похоже, понял? На тебя заяву писать надо. Маньячелло...

Милана делает вид, что копается в телефоне.

– Шугануть его? – спрашивают друзья у подошедшего Демида.

Сева несется со всей дури прочь, чтобы не слышать смех. Пробегает разрушенную подтрибунку, кирпичный дом у стадиона, плиту, когда-то служившую частью забора. Останавливается только у «Красного&Белого», складывается дугой, дышит. Напротив магазина сидит мужик в пиджаке и рубашке, с ослабленным галстуком. На лацкане пиджака болтается орден. Мужик сидит на бордюре, рядом – початая чекушка водки. Мужик ест

ножом консервы из банки. Под ногами валяется букет тюльпанов и коробка конфет.

Мужик замечает Севу. Откладывает в сторону консервы, опрокидывает бутылку. Сева наблюдает за тем, как он морщится.

– Иногда так бывает, – поддевает тюльпаны и конфеты ногой.

Сева кивает.

– Сигаретой не угостишь?

Сева достает из кармана олимпийки пачку шоколадного «Мальборо».

– Забирайте все. Подруга оставила. Я такие не курю.

Мужик с благодарностью принимает дар. Срыывает с пачки полиэтиленовую пленку. Ее кусочек, подпрыгивая, волочится с Севой чуть ли не до следующего дома. Весна, зелень всюю распускается на ветвях, днем будет градусов двадцать. Сева проходит мимо помятого уже объявления «Осторожно! Зона падения снега и льда!!!», но все равно ежится.

*Иваново, Гарнизон,
апрель 2024 года*

